

КЛАССИКА

СЕРЕБРЯНОЕ
ОЗЕРО

SILVERTRÄSKET

Музейщик прихватил с собою ружье, когда солнечным утром в начале лета отправился разыскивать на *Острове в море** новые красоты.

Он не хотел говорить, но вообще-то замыслил добраться до колдовского Серебряного озера, ведь чтобы его найти, нужно молчать и идти в одиночку.

Так вот, вскарабкался он на холм с ветряною мельницей, достал компас и прикинул направление к четвертому озеру, до которого никак не мог дойти, хоть и прилагал к тому немалые усилия. Народ показывал дорогу, даже подробно ее описывал, но, как ни старался, выходил он всегда не к Серебряному озеру, а к Приютному, тоже весьма живописному, с высоким камышником, где шныряли болотные воробьи, с белыми кувшинками, среди которых сновали лысухи. Всякий раз, как он несолоно хлебавши возвращался обратно, хозяин, старый рыбак, говорил с усмешкой, что попасть туда легче легкого, главное — отыскать торфяник, где растет морошка и гнездятся бекасы, а оттуда уж рукой подать.

Пока что путь лежал по сухим обрывистым кряжам, где корявые низкорослые сосны впивались в ка-

* Остров в море — имеется в виду расположенный к западу от Сандхамна о. Рунмарё, где Стриндберг жил летом в 1890 г. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

мень кривыми когтями. Сложены эти кряжи не из обычного серого гнейса, а из плотного мелкозернистого роговика, местами фисташкового, местами розового, расколотого на уступчатые глыбы, видом похожие на лавки, стулья и диваны и перемежающиеся длинными полосами белого известняка — словно кто-то расстелил холсты для отбелики. Дальше крутой косогор, березовая роща с множеством орхидей; узкая лощина — зеленый травяной ковер, поросший кустами ольхи, здесь наверняка играли эльфы и водили хороводы, ведь это их чародейские шаги оставили в траве кольцо следов, зеленых, как ярь-медянка. Почва под ногами становится влажной; кругом дикий розмарин и пушица, а молодые сосенки стоят стройные, прямые, будто колья в ограде. Новые уступы, новые ущелья, теперь заросшие орешником и дубняком. Откуда-то доносится стук — так запоздалый путник стучит ночью в дверь: это дятел. А вот лесной голубь клинтух — стонет-жалуется, словно женщина в родах. Одинокий странник знает все звуки, всех животных и растения, и, доведись ему услышать или увидеть что-то незнакомое, он бы, пожалуй, счел это недопустимым.

Поход меж тем продолжается, по компасу прямо на северо-восток; кое-где путь преграждает жердяная городьба, но ему она не помеха; дальше сырой луг с низкорослой осокой, боярышником и похожими на кипарисы можжевельновыми деревьями; потом кочковатое болото, которое нужно перейти вброд, — словом, целый набор миниатюрных ландшафтов. И наконец странник слышит где-то внизу плеск и журчание, спускается по косогору, продирается сквозь густой ольшаник и вдруг видит перед собою горное озеро нескazanной красоты. Природа воистину потрудилась на славу, однако ж мнится, будто и человеческая рука тут помогала — чистила, подправляла, наводила порядок.

Озеро небольшое — всего несколько туннландов*, но берега его являют глазу столь великое многообразие мысов, бухточек, заливов, что каждый миг замечаешь новое. Вот высокая корабельная сосна затеняет береговую кручу, вот склоняется к кувшинкам белая береза, вот ольховая бухточка, заросшая камышом, а за нею — кочковатое болото с крушиною и роснянками и даже с островком посередине. Очарование безмятежного водоема еще усиливается, когда, глядя на верхушки деревьев и облака, осознаешь, что лежит он высоко над морем, которое глубоко внизу рокочет прибором.

Ленивый утренний бриз поднял легкую зыбь, и в прибрежных камнях слышен негромкий плеск. В озере отражалась небесная синева, но возле берега вода была зловещего бурого цвета, точно свернувшаяся кровь. Жутковатая идиллия, тем более что все здешнее великолепие казалось необъяснимым, бесцельным. Как возникла эта впадина и откуда взялась вода? Сама котловина, возможно, кратер, а возможно, давний вход в рудник — щебень на дне говорил в пользу последнего предположения.

Местное предание рассказывало только, откуда взялось само название. Серебряное озеро якобы получило свое имя в прошлом веке, после бегства от русских, когда обитатели прибрежного архипелага, спасаясь от полного разорения, собрали свое серебро и утопили в этом озере, рассчитывая достать клад, как только установится мир. Однако же серебро не отыскалось, и люди решили, что озеро бездонное. С годами к этой истории добавились рассказы о разной чертовщине, якобы происходившей всякий раз, как там пробовали ловить рыбу, в результате на памяти

* Туннланд — старинная шведская мера площади, равная 4946 кв. м.

нынешнего поколения таких попыток уже не случилось.

Взглядом опытного рыболова музейщик сразу определил, что рыбалка здесь превосходная, и, напоследок бросив в воду горсть песка и выманив из глубины мелкую рыбешку, двинулся в обратный путь, с твердым намерением взять лодку и открыть лов.

Казалось, обратный путь труда не составит, ведь положение солнца указывало, в какой стороне находится дом, но озеро было хорошо укрыто, и когда нога безотчетно отыскивала ровную тропу, та вела во все не по солнцу, а уклонялась то в одну, то в другую сторону, так что путнику мнилось, будто он угодил в вертящееся колесо, которое постоянно высаживало его на какую-нибудь кочку, окруженную топью.

Усталый, потный, раздосадованный, музейщик в конце концов сел на пенек и посмотрел на солнце. А солнце уже поднялось выше, переместилось. Он глянул на компас, который указывал север и юг, но пластинка его не говорила, где находится дом. Когда он перед уходом из дома сверялся с компасом, озеро было на северо-востоке, и, чтобы теперь взять направление на юго-запад, нужно бы стоять на берегу. Тут он замечает земляную осу, которая вроде как вознамерилась согнать его с пенька, назойливым жужжанием давая ему понять, что он ей мешает. Охотник, однако ж, не боялся крылатой нечисти столь мелкого калибра и отмахнулся от осы рукой, как-то судорожно дернувшись, оповещая о том, что летучая иголка сочла себя оскорбленной. Чтобы унять боль, укушенный нагнулся за влажным мхом — для повязки. Выдернув пучок пальца в два шириною, он обнажил кусочек земли, и в этой ямке извивалось что-то черноузорчатое — гадюка, как выяснилось. Ничего особенного — сел на осиное гнездо, такая промашка с каждым может случиться,

но чтобы тут, на этом квадратном дюйме, еще и гадюка примостилась, хотя на острове несколько тысяч туннландов болотистой почвы, подходящей для гадюк! Вот это происшествие хочешь не хочешь оставило тягостное впечатление. По примеру Следопыта и Кожаного Чулка музейщик решил влезть на дерево и оглядеться. Дерево поблизости нашлось, только на нем недоставало важнейших сучьев, а в том месте, где предстояло исполнить сам маневр, ствол был не гладкий (гладкий вообще-то сподручнее), а в потеках смолы, что отнюдь не прибавило бодрости павшему духом.

С этого дерева он увидел лишь верхушки других деревьев, еще более высоких, и солнце, которое стояло теперь так высоко, что словно бы указывало разом во всех направлениях.

Охотнику почудилось, будто он с кем-то единоборствует. Без сомнения, не с самим собою, ведь он держал свою собственную сторону; значит, с кем-то другим. Но с кем же? О слепых силах тут речи нет, у них и впереди есть глаза, и сзади, а действуют они расчетливо, целеустремленно и хитро, как он сам, и даже хитрее. Со случаем? Нет, ведь при таком множестве попыток случай мог с одинаковым успехом направить его как на верный путь, так и на неверный, ибо самому понятию «случай» присуще нечто безучастное, ненамеренное, свободное от всех «за» и «против», а тут было одно только «против».

Размышляя об этом, он снова двинулся в путь, а когда наконец меж деревьев просветлело, вышел прямо к озеру. Любо-дорого смотреть, но ему оно опостылело, хотелось увидеть что-нибудь новое — что угодно, лишь бы не это озеро! Определив по компасу свое местоположение, он установил, в какой стороне дом, и бодро зашагал вперед. Ноги двигались размеренно, как маятники, однако через не-

которое время своенравно уперлись в землю, так что обладатель волей-неволей приставил одну к другой, аккуратно согнул в коленях и водрузил на каменный уступ, а спиной прислонился к дереву. На сей раз ствол не был смолистым и потому служил местом летних прогулок для целого поселка муравьев, которые тут же принялись тщательно обследовать охотничий костюм усталого путника. И без того раздосадованный охотник воспринял это как сугубо личный выпад и утратил последние остатки жизнерадостности, обычно редко ему изменявшей. Злость, которая, судя по всему, вызвала какое-то излияние в желудке, произвела теперь вторичное действие на кишечник, и к прочим неприятностям добавилось неожиданное чувство голода. Когда же стало совершенно невмоготу, ему вдруг послышался звон колокольчика, зовущего к обеду его семейство, и перед внутренним взором явились голодная жена и детишки, которые не смеют без него сесть за стол, уставленный всевозможной снедью...

В нем пробуждаются первобытные инстинкты, смешанные с детскими воспоминаниями и приправленные тоскою по всему, что ему принадлежало, но сейчас было недостижимо. И из этого хаоса поднимается одна-единственная разумная мысль: я заплутал и должен дойти до дома! А затем проступает давняя память, всплывает, словно большой поплавок, и он хватается за этот поплавок. Вспоминает, как мальчишкой заблудился в лесу и отыскал дорогу, по доброму старому обычаю вывернув курточку наизнанку, и после некоторой внутренней борьбы снимает куртку, выворачивает, но, прежде чем надеть, зорко смотрит по сторонам — не видит ли кто. Потом решительно шагает вперед, будто по широкому прямоезжему тракту. Первое, что он ощутил после переодевания, было что-то вроде недовольства, проти-

воестественности, стесненности, а оттиск, оставленный на изнанке его телом, стал теперь восковым слепком, который облекал его снаружи. Это создавало иллюзию удвоения, ведь он как бы нес сам себя и чувствовал ответственность за того, кем облек свои плечи. С другой же стороны, от чего-то он освободился, содрал с себя кожу и еще теплую от пота нес ее на руке, как летний сюртук; но в этой коже была и толика грубой душевной оболочки, и он испытывал ощущение душевной наготы, легкости, свободы, что усиливало способность чувствовать, думать, желать. Оттого-то ему чудилось, будто он летит вперед, проходит сквозь древесные стволы, парит над топиями, просачивается через можжевельниковые кусты, течет по лощинам. И уже спустя десять минут он очутился на мельничном холме, окликнул детишек, ожидавших внизу, на крыльце домика, и хотел было побежать им навстречу, однако спохватился, вспомнил про куртку. Сгорая от стыда, зашел за мельницу и вывернул куртку налицо, а когда вновь натянул ее, ощутил уют, покой и вместе с тем тягостную будничность и пот.

Через две минуты ребятишки повисли у него на шее и все неприятности были забыты.

* * *

Наутро музейщик взял удочки и пошел к Серебряному озеру, по крайней мере так он сказал. Пойти-то пошел, но до озера не добрался. Поэтому воротился назад, прихватил с собою проводника и большой кусок мела. Мелом он нумеровал каменные уступы и стволы деревьев. Потом отослал проводника домой и забросил удочку. А через полчаса уже натаскал десятков окуньков — рыбешки одна к одной, по четыре дюйма длиною, черные как угольки.